

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
УГОЛОВНОГО ПРАВА И
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

С. В. Складаров

**ВИНА И МОТИВЫ
ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ**

ЮРИДИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР

Теория и практика уголовного права и уголовного процесса

Сергей Складов

**Вина и мотивы
преступного поведения**

«Юридический центр»

2004

Скляров С. В.

Вина и мотивы преступного поведения / С. В. Скляров — «Юридический центр», 2004 — (Теория и практика уголовного права и уголовного процесса)

В работе рассматривается концепция вины, существующая в уголовном праве России, раскрываются проблемы законодательной регламентации ее форм, предлагается принципиально новый подход к пониманию мотивов преступного поведения, их классификации, к определению места и роли мотивов в процессе мотивации поведения. Показывается влияние мотивов преступного поведения на определение формы, объема и степени вины лица, совершившего преступление. Раскрывается значение формы и степени вины, мотивов преступного поведения для квалификации преступлений, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности. Работа адресована научным работникам, юристам-практикам, а также преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов.

© Скляров С. В., 2004

© Юридический центр, 2004

Содержание

Глава I	7
§ 1. Понятие вины в уголовном праве России	7
§ 2. Проблемы законодательной регламентации умышленной формы вины	16
§ 3. Проблемы законодательной регламентации неосторожной формы вины	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сергей Валерьевич Скляр
Вина и мотивы преступного поведения
ASSOCIATION YURTOICHESKY CENTER

Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure

S. V. Sklyarov

GUILT AND MOTIVES OF THE CRIME

Saint Petersburg
R. Aslanov Publishing House
“Yuridichesky Center Press”
2004

Редакционная коллегия серии «Теория и практика уголовного права и уголовного процесса»

Р. М. Асланов (отв. ред.), А. И. Бойцов (отв. ред.), Н. И. Мацнев (отв. ред.), Б. В. Волженкин, Ю. Н. Волков, Ю. В. Голик, И. Э. Звечаровский, В. С. Комиссаров, В. П. Коняхин, А. И. Коробеев, Л. Л. Кругликов, С. Ф. Милуков, М. Г. Миненок, А. Н. Попов, М. Н. Становский, А. П. Стуканов, А. Н. Тарбагаев, А. В. Федоров, А. А. Эксархопуло

Рецензенты:

И. Э. Звечаровский, доктор юридических наук, профессор, первый проректор Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации

А. Л. Репецкая, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права

Editorial Board of the Series “Theory and Practice of Criminal Law and Criminal Procedure”

R. M. Aslanov (managing editor), A. I. Boitsov (managing editor), N. I. Matsnev (managing editor), B. V. Volzhenkin, Yu. N. Volkov, Yu. V. Golik, I. E. Zvecharovsky, V. S. Komissarov, V. P. Konyakhin, A. I. Korobeev, L. L. Kruglikov, S. F. Milyukov, M. G. Minenok, A. N. Popov, M. N. Stanovsky, A. P. Stukanov, A. N. Tarbagaev, A. V. Fedorov, A. A. Eksarkhopoulo

Reviewers:

Doctor of Law, professor, First Pro-Rector of Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation **I. E. Zvecharovsky** *Doctor of Law, professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of Baikalsky State University of Economics and Law* **A. L. Repetskaya**

The work deals with the conception of guilt that exists in criminal law of Russia, expounds the problems legislative regulation of its forms, offers a principally new approach to the understanding of the motives of criminal behavior, their classification, to the definition of place and role of the motives in the process of the motivation of behavior, shows the influence of the motives of criminal behavior on the definition of the form, scope and degree of guilt of a person who committed crime, expounds the meaning of the form and degree of guilt, the motives of criminal behavior in order to classify crime, to differentiate and to individualize criminal responsibility.

The work is addressed to researchers, practitioners as well as to professors, postgraduates, and students of law schools.

© С. В. Склярлов, 2004 © S. V Sklyarov, 2004 © Изд-во Р Асланова «Юридический центр Пресс», 2004 © R. Aslanov Publishing House “Yuridichesky Center Press”, 2004

Глава I

Понятие вины и проблемы законодательной регламентации ее форм

§ 1. Понятие вины в уголовном праве России

Современный Уголовный кодекс Российской Федерации, как, впрочем, и ранее действовавшие уголовные кодексы, не содержит понятия вины. Традиционно для российского законодательства вина определялась и определяется посредством раскрытия в законе ее конкретных форм. В то же время, прежде чем описывать формы какого-либо явления, необходимо определить его понятие и сущность.

В теории уголовного права большинство авторов выделяют две основные концепции вины: оценочную и психологическую.¹ Отдельные исследователи в качестве одной из основных концепций вины, помимо названных выше, рассматривают также теорию опасного состояния.² При этом единства мнений в том, что понимать под той или иной концепцией вины, нет.

Теория опасного состояния трактуется В. В. Лунеевым как «основа противоправного превентивного наказания».³ Фактическую базу теории опасного состояния составляет наделение личности преступника общественной опасностью. Однако трудно себе представить утверждение ученых и практиков о том, что если лицо имеет непогашенную и неснятую судимость, то оно, безусловно, виновно в совершенном им деянии. Вместе с тем не следует забывать и тот факт, что различные аспекты характеристики личности преступника могут влиять на степень его вины в совершенном преступлении. Отрицание этого позволило бы поставить знак равенства между преступником, впервые совершившим, например, кражу, и лицом, профессионально промышляющим хищениями.

Представления юристов об оценочной концепции вины можно разделить на две группы. В первом случае оценочная теория вины трактуется как оценка судом всех объективных и субъективных обстоятельств, связанных с преступлением.⁴ Во втором – под виной понимается морально-политическая оценка действий преступника с точки зрения классовых позиций.⁵ Мысли об оценочной концепции вины можно найти в трудах А. Я. Вышинского,⁶ Б. С. Маньковского,⁷ Б. С. Утевского⁸ и других ученых. Следует отметить, что указанные сторонники оценочной концепции вины рассматривали ее как раз с классовых позиций, утверждая,

¹ См., например: Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1968. С. 406–407; Советское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Г. А. Кригера и др. М., 1988. С. 124; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и др. М., 1993. С. 155; Назаренко Г. В. Русское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 2000. С. 85.

² См., например: Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000. С. 10–12; Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002. С. 10.

³ Лунеев В. В. Указ. соч. С. 11.

⁴ См., например: Советское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Г. А. Кригера и др. М., 1988. С. 124; Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамовой. М., 1997. С. 183.

⁵ См., например: Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1968. С. 406–407; Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой и др. М., 1993. С. 155; Назаренко Г. В. Указ. соч. С. 85.

⁶ Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1946.

⁷ Маньковский Б. С. Проблема ответственности в уголовном праве. М., 1949.

⁸ Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950.

что вина имеет место только тогда, когда поведение лица заслуживает осуждения с точки зрения социалистического закона.⁹

Позже сторонники психологической концепции, критикуя оценочную теорию вины, стали понимать ее более широко – как присущую буржуазному законодательству теорию, в соответствии с которой вина рассматривается не как реально существующее психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, а как оценка судом всей совокупности объективных и субъективных обстоятельств, связанных с преступлением.¹⁰

Ученые, придерживающиеся психологической концепции вины, которая является господствующей в современном отечественном уголовном праве, также не едины в своих подходах к определению ее понятия.

Так, А. В. Наумов понимает вину как психическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности.¹¹ Авторы учебника по Общей части уголовного права понимают под виной запрещенное уголовным законом психическое, в форме умысла или неосторожности, отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям.¹² Как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и его последствиям определяют вину авторы более современного учебника по уголовному праву.¹³ В. В. Лунеев определяет вину как психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, его общественно опасным последствиям и другим юридически значимым обстоятельствам совершения преступления.¹⁴

Более сложное определение вины дает В. А. Якушин: вина есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному и уголовно-противоправному деянию, выраженное в определенных законом формах, раскрывающих связь интеллектуальных, волевых и чувственных процессов психики лица с деянием и являющихся в силу этого основанием для субъективного вменения, квалификации содеянного и определения пределов уголовной ответственности.¹⁵

Из приведенных выше определений вины можно выделить три момента, их объединяющих: первый – вина представляет собой психическое отношение лица к определенным объективным явлениям; второй – вина представляет собой психическое отношение лица не только к совершаемому им деянию, но и к его последствиям; третий – лицо сознает общественную опасность совершаемого им деяния и его последствий. Включение в устоявшуюся формулу вины иных признаков либо является недоразумением (например, *запрещенное* уголовным законом психическое отношение), поскольку ни один закон не может запретить относиться определенным образом к явлениям реальной действительности, включая свои действия и их последствия, либо раскрывает частные нюансы конкретного преступления (например, психическое отношение к обстоятельствам, имеющим юридическое значение), по сути, являющиеся элементами более широкого явления – деяния, или подробно описывает сущность психического отношения лица к деянию и его последствиям, что, скорее, имеет ценность для науки, но не для формального и четкого подхода к изложению законодательных формул.

Прежде всего следует отметить, что сторонники психологического понимания вины определяют последнюю как психическое отношение лица к совершаемому им деянию и его последствиям. Между тем, как правильно подмечает В. В. Лунеев, отечественная уго-

⁹ Маньковский Б. С. Указ. соч. С. 115.

¹⁰ См., например: Советское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Г. А. Кригера и др. М., 1988. С. 124.

¹¹ Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: Курс лекций. М., 2000. С. 223.

¹² Советское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Г. А. Кригера и др. М., 1988. С. 125.

¹³ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 2000. С. 157.

¹⁴ Лунеев В. В. Указ. соч. С. 12.

¹⁵ Якушин В. А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1988. С. 122.

ловно-правовая наука, законодательство и судебная практика фактически не отказались от оценочных элементов виновности.¹⁶ И такое положение представляется абсолютно справедливым.

На протяжении значительной части советского периода развития России в теории уголовного права господствовала точка зрения о том, что определение вины как оценки судом степени осознания лицом характера и содержания совершаемых им действий и их последствий присуща исключительно буржуазному праву. Такая позиция была выработана теоретиками советского уголовного права в ходе длительной дискуссии, имевшей место в 50-е годы прошлого века. Основным аргументом служило то, что, в отличие от буржуазных судов, советский суд не оценивает степень вины, а выясняет ее реальное содержание, таким образом достигая истины по уголовному делу. Подобные подходы были традиционны для того времени, когда советская правовая система, «стоявшая на страже интересов как потерпевших, так и лиц, совершивших преступление», противопоставлялась правовым системам капиталистических стран, использующих в качестве инструмента «угнетения народа» объективное вменение.

Переосмысление в настоящее время советских ценностей и интеграция России в современную систему сосуществования независимых государств с различными политическими и правовыми системами, формами государственного устройства, казалось бы, должны были послужить основой для пересмотра устоявшихся позиций по тем или иным правовым вопросам, включая понятие вины в уголовном и других отраслях права. Однако с принятием нового УК РФ ситуация с определением понятия вины и ее форм не изменилась и фактически, не считая незначительных уточнений, осталась на уровне положений УК РСФСР 1960 г.

Вина – понятие абстрактное. Этот термин существует для отражения субъективных процессов, происходивших в сознании лица в момент совершения им преступных, а также иных любых действий, тем или иным образом нарушающих установленные правила поведения, как урегулированного, так и неурегулированного нормами права. Однако данные субъективные процессы напрямую не наблюдаемы, их нельзя измерить какими-либо приборами. Ни один юрист или психолог, а в большинстве случаев и лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, не могут абсолютно точно раскрыть их содержание. Вину как нечто субъективное можно определить исключительно путем анализа и оценки объективных обстоятельств совершенного лицом правонарушения. Поэтому достижение истины при исследовании субъективных свойств совершенного действия является относительным и целиком зависит, с одной стороны, от совокупности объективных фактов, собранных и в установленном порядке зафиксированных в качестве доказательств, и от самого правоприменителя, его опыта, знаний, субъективных особенностей – с другой.

Исходя из изложенного, можно сделать только один вывод: вина, как, впрочем, и множество иных явлений, тем или иным образом отраженных в уголовном законодательстве, – понятие оценочное. И оценка вины зависит от лица, представляющего правосудие и участвующего в оценке собранных по конкретному уголовному делу доказательств.

Таким образом, вину можно определить как оценку правоприменителем субъективных особенностей совершения преступления.

Остается одно – вычленив ту часть субъективного, которая имеет значение для квалификации преступления и индивидуализации уголовной ответственности лица, его совершившего, и которая подлежит оценке правоприменителем для полной реализации принципа справедливости, закрепленного в Конституции РФ и УК РФ.

Второе, что объединяет определения вины, формулируемые сторонниками психологической концепции, – то, что лицо определенным образом относится не только к деянию, но и к его последствиям. При этом, исходя из законодательных формул вины, описывающих ее

¹⁶ Лунеев В. В. Указ. соч. С. 12.

отдельные проявления, отношение лица к последствиям своего деяния выражается как в предвидении им последствий совершаемого деяния, так и в так называемом «волевом» отношении к этим последствиям. Традиционно теоретики, придерживающиеся психологической концепции вины, раскрывая ее содержание, выделяют два момента: интеллектуальный и волевой. При этом интеллектуальный момент включает в себя сознание виновным характера своих действий и предвидение им последствий своих действий, а волевой – определенные характеристики волеизъявления лица: желание последствий, сознательное допущение, безразличное отношение к ним, расчет на предотвращение последствий, что прямо вытекает из законодательного изложения форм вины.

В то же время определение вины в уголовном праве должно соответствовать психологическому пониманию волевого поведения человека. С этой точки зрения выделение в формах вины так называемых «интеллектуального» и «волевого» моментов является искусственным. Воля и сознание в поведенческом акте неразделимы и вытекают одно из другого. Не может быть такого, чтобы субъект совершал волевые действия неосознанно, так как основной характеристикой последних является осознание лицом преследуемой цели и возможности контроля за ходом разворачивающихся внешних и внутренних процессов. Сознание представляет собой высшую функцию мозга, заключающуюся в обобщенном и целенаправленном отражении действительности, в предварительном мысленном построении действий и предвидении их результатов, в регулировании и самоконтроле поведения человека. Воля обозначает, прежде всего, возможность свободного выбора при конфликте желаний, способность в самодетерминации и саморегуляции человеком своей деятельности. Таким образом, желание, сознательное допущение либо безразличное отношение к последствиям при умышленной форме вины и легкомысленный расчет на предотвращение последствий своих действий, либо то, что лицо при непредвидении последствий должно было и могло их предвидеть, лишь определенным образом характеризуют произвольность регуляции активности человека, но не содержание его воли. Воля в данном случае проявляется в том, что человек осознанно совершает определенные действия и предвидит возможные последствия своих действий.

С другой стороны, выделение в вине интеллектуального и волевого моментов не прослеживается в законодательном определении ее форм. Если изложение в ст. 25 УК РФ умышленной формы вины позволяет четко выделить интеллектуальный и волевой моменты умысла, то в законодательном определении преступного легкомыслия частично отсутствует интеллектуальный момент, поскольку ничего не говорится о сознании лицом характера своих действий. При описании небрежности законодатель полностью игнорирует волевой момент, так как формула «должен был и мог предвидеть», безусловно, относится к интеллектуальному моменту. Это позволяет сделать вывод, что схема, в которой присутствуют интеллектуальный и волевой моменты вины, не воспринята законодателем и не используется при применении уголовного закона. Противоположные мнения по данной проблеме можно обнаружить и в научных трудах. Одни авторы полагают, что при преступном легкомыслии и преступной небрежности лицо не осознает общественную опасность своих действий (бездействия),¹⁷ другие – считают, что осознание общественной опасности имеет место только при преступном легкомыслии,¹⁸ третьи – высказывают мнение, что лицо сознает общественную опасность совершаемых действий как

¹⁷ См., например: *Чучаев А. И.* Безопасность железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Саратов, 1988. С. 78; *Трухин А. М.* Интеллектуальные критерии разграничения форм вины в советском уголовном праве // Вестник Моск. ун-та. Сер. «Право». 1976. № 1. С. 78; *Дагель П. С., Котов Д. П.* Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 64; *Угрехелидзе М. Г.* Проблема неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1976. С. 65–68.

¹⁸ См., например: *Рарог А. И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 112–113; *Гринберг М. С.* Преступное невежество // Правоведение. 1989. № 5. С. 77; *Нерсисян В. А.* Некоторые проблемы неосторожной формы вины // Сов. гос-во и право. 1989. № 3. С. 111; *Утевский Б. С.* Указ. соч. С. 271.

при преступном легкомыслии, так и при преступной небрежности¹⁹. Это еще раз подтверждает неудачность законодательных формулировок умысла и неосторожности.

Установление формы вины на практике осложняется наличием в уголовном законодательстве материальных и формальных составов преступлений, хотя такое деление, как отмечают некоторые ученые, небесспорно²⁰.

Под преступлением с материальным составом понимается деяние, при описании которого в статье УК указаны не только признаки действия или бездействия, но и его материальные последствия, при наступлении которых данное преступление считается оконченным. К формальным составам преступления относятся деяния, которые признаются оконченными вне зависимости от наступления каких-либо материальных последствий. Однако при совершении преступления с формальным составом вред общественным отношениям также причиняется, в то же время причиненный вред не носит материального характера.

Как выяснить, желало лицо или допускало наступление последствия своего действия (бездействия), либо рассчитывало на их предотвращение при совершении преступления с формальным составом, если для признания его виновным, а преступления – оконченным, наступления этих последствий в формальных составах не требуется и возможные последствия не входят в предмет доказывания? Например, представляется, что совершение государственной измены возможно как с прямым, так и с косвенным умыслом. В одном случае лицо прямо желало причинить ущерб государственной безопасности России, во втором – относилось к этим последствиям безразлично, интересуясь исключительно размером материального вознаграждения. Однако в практике применения уголовного закона ограничиваются констатацией того, что преступник совершал действия умышленно без определения конкретного вида умысла, так как неясно, наступления каких именно последствий своих действий должно желать (допускать, безразлично относиться) лицо. Между тем конкретный вид умышленной вины, безусловно, должен влиять на размер назначаемого наказания.

В теории уголовного права существует целый спектр мнений о содержании субъективной стороны формальных составов преступлений и возможности их совершения с неосторожной формой вины.²¹ В большинстве случаев авторы монографий, учебников по Особенной части уголовного права и комментариев к УК РФ считают, что преступления с формальными составами могут совершаться исключительно с прямым умыслом, и предлагают руководствоваться следующей формулой определения вины: лицо сознавало, что совершает определенные действия, и желало их совершить.²² Такие рекомендации являются неприемлемыми, более того, несоответствующими положениям уголовного закона, так как желание либо допущение в умышленной форме вины законодатель относит исключительно к последствиям, а не к самим

¹⁹ Мишьяковский Г. М., Петелин Б. Я. О понятии вины и проблемах ее доказывания // Гос-во и право. 1992. № 5. С. 58; Лунеев В. В. Указ. соч. С. 48; Волков Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975. С. 39, 61; Квашин В. Е., Махмудов Ш. Д. Ответственность за неосторожность. Душанбе, 1975. С. 18–19; Керимов Д. А. Психология и право // Гос-во и право. 1992. № 12. С. 15.

²⁰ См., например: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957; Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. М., 1958; Прохоров В. Д. Преступление и ответственность. Л., 1984; Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999.

²¹ См., например: Никифоров Б. С. Субъективная сторона в формальных преступлениях // Сов. гос-во и право. 1971. № 3; Трофимов Н. И. К проблеме неосторожной вины в формальных составах преступлений // Проблемы эффективности повышения борьбы с преступностью. Иркутск, 1983; Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000. С. 41; Утевский Б. С. Указ. соч. С. 237–239; Ткаченко В. Вина: понятие, виды // Теис-Право. Вильнюс, 1989. Т. 22. С. 26.

²² См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., изм. и доп. / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1997; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А. В. Наумов. М., 1996; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001; Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М., 1996; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 1997; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. А. И. Рарога. М., 1998; Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000. С. 39.

действиям. Этот факт подчеркивали и другие ученые.²³ Поэтому высказывание о том, что все преступления с формальными составами совершаются с прямым умыслом, не соответствует действительности.

Кроме того, такой подход к определению вины в преступлениях с формальными составами вызывает недоумение и по другой причине – психически здоровый человек, совершая волевые действия, всегда желает их совершить, а если лицо не желает их совершения, но все-таки совершает, это, скорее, свидетельствует о его психической неполноценности и полной невменяемости.

Также можно поставить под сомнение вывод о невозможности совершения преступлений с формальными составами с неосторожной формой вины. Судебно-следственная практика свидетельствует об обратном. Например, составы преступлений, предусмотренные ч. 1 ст. 217, ч. 5 ст. 228 УК РФ, большинство юристов относят к формальным, в то же время допуская совершение данных преступлений с неосторожной формой вины.²⁴

Попытка разрешения проблемы определения формы вины и ее конкретного вида в формальных составах преступлений была предпринята в УК РФ 1996 г. В понятие умышленной вины, помимо осознания лицом характера своего действия (бездействия) и предвидения последствий этого действия (бездействия), включается также предвидение лицом неизбежности или возможности наступления данных последствий. Представляется, что такая формулировка, по сути, не дала ничего нового по сравнению с прежним уголовным законом. При привлечении лица к уголовной ответственности за совершение преступления с формальным составом по-прежнему необходимо устанавливать, желало ли оно, или только допускало, либо безразлично относилось к последствиям своего действия (бездействия).

Третий момент, общий для всех понятий вины, раскрываемых сторонниками психологической концепции, заключается в том, что лицо определенным образом относится не просто к деянию, которое оно совершает, и его последствиям, а к общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям, т. е. сознает, как указано в соответствующих статьях УК РФ, общественную опасность совершаемого им действия (бездействия) и предвидит общественно опасные последствия своих действий.

Традиционно в теории уголовного права общественно опасным деянием признается действие или бездействие, посягающее на охраняемые уголовным законом общественные отношения, причиняющее им вред или ставящее их в опасность причинения такого вреда.²⁵ Отсюда следует, что если определенный вид общественных отношений не взят под охрану уголовным законом, то какую бы ценность данные общественные отношения ни представляли, в случае их нарушения действия лица не могут быть признаны общественно опасными. Таким образом, признак общественной опасности присущ не всем деяниям, объективно причиняющим вред общественным интересам, а только тем, которые запрещены уголовным законом под угрозой наказания. Поэтому, как отмечают некоторые исследователи, общественная опасность деяния напрямую зависит от воли законодателя, который признает деяние общественно опасным и устанавливает за него уголовную ответственность, отображая объективно существующую действительность.²⁶ Такое утверждение во многом справедливо, учитывая многочисленные при-

²³ См., например: *Иванов Н.* Умысел в уголовном праве России // Российская юстиция. 1995. № 12.

²⁴ См., например, соответствующие разделы приведенных в сносках настоящей работы комментариев к УК РФ и учебников по Особенной части уголовного права.

²⁵ См., например: *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. М., 1969; *Фефелов П. А.* Механизм уголовно-правовой охраны (основные методологические проблемы). М., 1992; *Ковалев М. И.* Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск, 1987; *Ляпунов Ю. И.* Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. М., 1989; *Махоткин В. П.* Общественная опасность преступления. М., 1991.

²⁶ *Карпушин М. П., Курляндский Б. Н.* Уголовная ответственность и состав преступления. М., 1974. С. 96–97.

меры декриминализации и криминализации отдельных действий, произошедших в последние годы.

Включение в понятие вины осознания общественной опасности своих действий (бездействия) в большей степени объективно, так как лицо может и не осознавать общественно опасный характер совершаемого деяния, хотя оно относится к числу уголовно наказуемых поступков, и, наоборот, лицо может сознавать, что его действия и последствия этих действий создают опасность для общественных интересов, в то время как они не признаются законодателем преступными. По данным А. Ф. Зелинского, 82 % опрошенных им преступников отрицали осознание общественной опасности своих преступных действий.²⁷ И, для того чтобы привлечь к уголовной ответственности таких лиц, правоохранительным органам придется представить убедительные доказательства обратного, поскольку вина, а значит, и осознание лицом общественной опасности своего деяния при ее умышленной форме являются обязательными условиями признания действий лица преступными.

Также необходимо отметить следующее: если уголовно противоправное деяние признается общественно опасным, то можно сделать вывод о том, что правомерные действия лица общественно безопасны, т. е. общественно полезны или общественно нейтральны. А это значит, что при совершении лицом преступления всегда нарушается общественная безопасность, а при совершении им правомерных действий общественная безопасность не нарушается. В то же время закон связывает нарушение общественной безопасности с определенными видами преступлений, предусмотренными в главе 24 УК РФ. Объект посяательства в данном случае позволяет отграничить данные преступления от иных преступных деяний, посягающих на охраняемые уголовным законом общественные отношения. Рассуждая далее, можно сделать, казалось бы, абсурдный, но на самом деле соответствующий системе построения Особенной части УК РФ вывод: преступления, предусмотренные в иных (помимо главы 24) главах УК РФ, не нарушают общественную безопасность, а значит, не являются общественно опасными.

Попытки отойти от осознания лицом общественной опасности совершаемого им деяния предпринимались в отдельных проектах УК РФ в середине 90-х годов прошлого века. В частности, предлагалось заменить признак «общественная опасность» признаком «противоправность», «вредность», что было бы более верным, исходя из указанных выше соображений. Однако такие предложения, к сожалению, не были восприняты законодателем при обсуждении нового уголовного закона России, что оставило институт вины на прежних и, как представляется, устаревших позициях.

Говоря о сознании лицом общественной опасности своих действий (бездействия) и их последствий, нельзя обойти вниманием и тот факт, что в УК РФ имеются нормы, предусматривающие уголовную ответственность только в тех случаях, когда результатом действия (бездействия) виновного являются определенные законом последствия (например, ст. 167, 171–173, 176, 180, 185, 196, 197, 201, 285, 286 УК РФ и др.). В данных статьях наделение в целом деяния признаком общественной опасности зависит только от наступления или ненаступления последствий, определенных законодателем. Поэтому утверждение, что на момент совершения лицом действия (бездействия) в указанных случаях оно осознавало его общественно опасный характер, абсолютно неверно, так как, если указанные в норме последствия еще не наступили, содеянное не может быть признано преступлением. Например, лицо занимается незаконным предпринимательством, однако это занятие еще не привело его к получению дохода в крупном размере или к причинению крупного ущерба интересам граждан, организаций, государства. Должен ли он сознавать общественную опасность своих действий? С одной стороны, не должен, так как его действия не являются преступными, с другой – должен сознавать, так как если

²⁷ Зелинский А. Ф. Криминологические и уголовно-правовые аспекты неосознаваемой психической деятельности // Сов. гос-во и право. 1984. № 9. С. 56.

наступят указанные в законе последствия, все его действия будут признаны преступными, а значит, придется доказывать, что лицо сознавало на момент совершения их общественно опасный характер, хотя до наступления последствий они преступными не являлись.

В УК РСФСР 1960 г. возможность привлечения лица к уголовной ответственности была, например, также обусловлена фактом привлечения его ранее за подобное правонарушение к административной ответственности (ст. 162, 162¹, 162⁴, 166, 197, 200¹ УК РСФСР и др.). Возникла интересная с точки зрения института вины ситуация: если человек привлекался ранее к административной ответственности за незаконную охоту и незаконно охотился вновь, то он должен был сознавать общественно опасный характер своих действий, а его товарищ по охоте, совершающий те же самые действия, но ранее не привлекавшийся к административной ответственности, вообще преступления не совершал, и его действия не носили общественно опасный характер. Действия одни, но по отношению к одному субъекту они общественно опасны, а по отношению к другому – нет. Исключили же административную преюдицию из УК РФ отнюдь не потому, что она вступала в противоречие с институтом вины, а в силу неэффективности в ряде случаев этого института, а также в связи с тем, что юридическая природа административного правонарушения от его повторного совершения не меняется – оно остается административным проступком.²⁸

Из всего сказанного можно сделать только один вывод: между законодательным изложением института вины и диспозицией отдельных статей Особенной части УК РФ существовало и существует противоречие, которое требует устранения. Преодолеть противоречие можно двумя способами. Первый – сложный и фактически нереальный – изменить диспозицию указанных статей Особенной части УК РФ, второй – наверное, более простой – признак общественной опасности при определении психического отношения лица к своему действию (бездействию) необходимо заменить на другой, общий для всех правонарушений.

На первый взгляд для этого наиболее подходит признак противоправности, тем более что понятие вины в административном законодательстве включает в себя сознание лицом противоправного характера своего действия или бездействия (ст. 2.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Заслуживают пристального внимания достаточно убедительные доводы, приводимые в пользу признака противоправности на страницах юридической печати.²⁹ Вместе с тем при возможном использовании признака противоправности в формуле вины могут возникнуть некоторые вопросы. Какая противоправность имеется в виду: уголовная, административная, дисциплинарная, гражданская? Уже отмечалось, что значительное число норм Особенной части УК РФ описывает действия, не нарушающие нормы уголовного права, а признающиеся преступлением только в случае наступления определенных последствий. Если лицо, совершая определенные действия, не сознает их противоправности, но сознает, что они нарушают определенные правила поведения (например, предупреждая возможное хищение, устанавливает в собственном гараже устройство, способное причинить вред злоумышленникам), должно ли оно привлекаться к уголовной ответственности?

Включение признака противоправности в понятие вины также не позволит привести ее формы к единому знаменателю – идентичности их элементов. При неосторожной форме вины лицо зачастую не осознает противоправность своего действия (бездействия), так как оно объективно может и не нарушать закон в силу его отсутствия, поскольку детально регламентировать общественные отношения во всех областях жизни невозможно. В то же время в указанной ситуации лицо сознает, что его действия хотя и не противоправны, но могут нанести вред окру-

²⁸ См., например: *Котин В.* Ответственность за незаконное предпринимательство // *Законность*. 1995. № 4; *Тотьев К.* Уголовная ответственность за монополистическую деятельность // *Хозяйство и право*. 1988. № 5, 6; *Якубов А. Е.* Время совершения преступления и обратная сила уголовного закона, устраняющего преступность деяния // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 11: «Право»*. 1997. № 3.

²⁹ См., например: *Лунеев В. В.* Указ. соч. С. 34–36.

жающим, поэтому необходимо соблюдать меры предосторожности, которые оно не соблюдает, в результате чего причиняется вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Поэтому для привлечения лица к уголовной ответственности достаточно установить, что оно, совершая преступление, сознавало, что его действия нарушают определенные правила поведения, либо то, что виновный пренебрегает мерами предосторожности при совершении действий, могущих нанести вред окружающим.

Подводя итог изложенному, вину предлагается определить как оценку судом степени осознания лицом характера и содержания совершаемых им действий и их последствий. Если же попытаться дать более подробное определение понятия вины, то оно, как представляется, должно звучать следующим образом: вина есть оценка судом степени осознания лицом факта, что его действия (бездействие) нарушают правила поведения либо что оно пренебрегает мерами предосторожности при совершении действий (бездействия), могущих нанести вред окружающим, и степени предвидения им либо наличия возможности такого предвидения причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Безусловно, практическую ценность определение вины будет иметь только в том случае, если его закрепить в уголовном законе. При существующих в теории уголовного права подходах к определению вины законодательно оформить ее понятие практически невозможно, так как устоявшееся определение вины как психического отношения лица к деянию и его последствиям слишком абстрактно и заслуживает внимания лишь в плане научного исследования данной проблематики. Принимая во внимание изложенную выше концепцию вины, а также то, что в соответствии со ст. 85 УПК РФ доказывание состоит в собирании, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, в число которых входят виновность лица в совершении преступления и форма его вины, ч. 1 ст. 24 УК РФ можно было бы изложить в следующей редакции, считая ч. 1 и 2 указанной статьи соответственно ч. 2 и 3:

1. Под виной в настоящем Кодексе понимается степень осознания лицом характера и содержания совершаемых им действий (бездействия) и их последствий, определяемая судом на основе собранных, проверенных и оцененных доказательств в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

§ 2. Проблемы законодательной регламентации умышленной формы вины

Традиционно в теории уголовного права выделяются два основных вида умысла: прямой и косвенный (эвентуальный). Если ранее деление умысла на прямой и косвенный не находило прямого отражения в уголовном законе и являлось прерогативой ученых и практиков, то в УК РФ 1996 г. такое разделение официально закреплено в ст. 25: при совершении преступления с прямым умыслом лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления; при косвенном умысле лицо также осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично.

Основное отличие умышленной формы вины от неосторожной, исходя из норм УК РФ, заключается, с одной стороны, в том, что при неосторожной форме вины частично отсутствует интеллектуальный момент: сознание лицом характера своих действий; с другой – в так называемом «волевом» моменте: при умысле лицо желает (прямой умысел), допускает или безразлично относится к последствиям своих действий (косвенный умысел), при неосторожности лицо без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на предотвращение последствий своих действий (легкомыслие), либо волевой момент вообще отсутствует в формуле вины (небрежность).

В предыдущем параграфе настоящей работы уже отмечались неудачность законодательных формулировок умысла и неосторожности, выражающаяся в отсутствии четкой системы изложения форм вины, связанная с выделением в формах вины интеллектуального и волевого моментов, многочисленные дискуссионные вопросы и трудности, возникающие при практическом применении норм УК РФ. По сути, формулы волевого момента вины, изложенные в УК РФ, определяют степень осознания лицом характера своих действий и степень предвидения лицом общественно вредных последствий своих действий. Поэтому было предложено отказаться от волевого момента вины, и в пользу этого решения приведены соответствующие аргументы.

Необходимо отметить, что подобное решение при формулировании умышленной формы вины имело место в так называемой теории представления, сторонники которой утверждали, что для характеристики умысла достаточно установить, что лицо сознавало основные характеристики своих действий и представляло их возможные последствия. Подавляющее большинство советских криминалистов первой половины XX в. критично отнеслись к вышеуказанной теории, называя ее «образчиком бесплодного формально-догматического метода буржуазной юриспруденции, стремящейся при помощи формально-юридических конструкций расширить сферу действий, признаваемых умышленными, ограничивая требования, предъявляемые к умыслу, одним только предвидением последствий и не требуя сочетания в умысле интеллектуального и волевого моментов»³⁰.

Между тем сторонники теории предвидения не исключали волю из оснований правового упрека в виновности,³¹ а первичная теория деления умысла на прямой (*dolus directus*) и непрямой (*dolus indirectus*) отождествляла умышленность с сознательностью при непрямом умысле – «виновный сознавал, что делает, а потому и умышлял на сознательное».³²

³⁰ См., например: Утевский Б. С. Указ. соч. С. 188–189.

³¹ Там же.

³² См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 243–244.

Безусловно, воля всегда присутствует в сознательном поведении человека и проявляется в том, что лицо осознает преследуемую цель, возможность контроля за своими действиями, предвидит возможные последствия своих действий. Указание на волевое поведение лица прежде всего заложено в институте вменяемости. Можно утверждать, что действия вменяемого лица – это всегда волевые действия, при которых оно осознает характер своих действий и их возможный результат. Предпринятая в настоящем исследовании попытка обосновать возможность формулирования формы вины без выделения волевого момента в их дефинициях направлена не на отрицание присутствия у лица желания или иного отношения к последствиям своих действий (бездействия), а на преодоление, с одной стороны, бессистемности изложения форм вины в современном уголовном законодательстве, заключающейся в частичном или полном отсутствии интеллектуального и волевого моментов при изложении формул вины, с другой – известных трудностей, имеющих место при квалификации преступлений с формальными составами.

Конечно, в результате такого подхода часть преступлений действительно может перейти из разряда неосторожных в разряд умышленных, но, как показывает проведенное автором интервьюирование судей, следователей органов внутренних дел и прокуратуры, специалистов в области уголовного права, большинство респондентов полагают, что некоторые преступления, относимые УК РФ к категории неосторожных (ст. 143, 216, ч. 2 ст. 217, ст. 263, 264, 266, 268 и др.), в ряде случаев должны расцениваться как умышленные преступления, но квалифицировать содеянное по статьям, предусматривающим уголовную ответственность против личности, нецелесообразно.

Исходя из предлагаемой концепции вины, связанной с исключением волевого момента из формулы вины, необходимо провести разграничение между умыслом и неосторожностью по иным критериям.

Умысел с точки зрения этимологии этого слова представляет собой заранее обдуманное намерение, подготовку преступления с осознанием его последствий.³³ Намерение – это предположение сделать что-нибудь, желание, замысел (намеренный – сделанный сознательно).³⁴ Учитывая этимологическое значение употребляемых законодателем терминов, можно сделать единственно верный вывод: если лицо, совершая какие-либо действия, полностью осознает их цель, характер, предполагаемый результат и его возможные последствия, то оно действует умышленно. Таким образом, облекая данный вывод в соответствующую формулу, можно заключить, что лицо действует умышленно в том случае, если сознает характер своих действий (бездействия) и предвидит их возможные последствия.

Статья 25 УК РФ закрепляет правило, в соответствии с которым преступление признается совершенным умышленно, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия) и предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий.

Таким образом, из законодательного определения умысла прямо вытекает, что сознание лицом характера совершаемых им действий (бездействия) заключается в сознании их общественной опасности. Неудачность такой конструкции уже подчеркивалась в настоящей работе при определении понятия вины, так как:

– наделение общественной опасностью тех или иных действий напрямую зависит от законодателя, устанавливающего уголовно-правовой запрет, в то же время не все общественно опасные деяния признаны законодателем преступлениями, и не все преступления можно признать общественно опасными;

³³ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 1999. С. 833.

³⁴ Там же. С. 386.

– большинство преступников при совершении уголовно-противоправных действий не осознают их общественную опасность, что подтверждено конкретными исследованиями;

– термин «общественная опасность», по сути, является антонимом термина «общественная безопасность», отсюда общественно опасное деяние всегда нарушает общественную безопасность, которая по смыслу УК РФ представляет собой самостоятельный объект преступления; принимая во внимание распределение преступлений по разделам и главам УК РФ, можно заключить, что деяние, не посягающее на общественную безопасность, не является по своей сути общественно опасным;

– в УК РФ имеют место преступления, признаваемые таковыми только в случае наступления определенных последствий; при наступлении данных последствий действия, совершаемые лицом, признаются общественно опасными, а при ненаступлении те же самые действия уже не обладают признаками общественной опасности, что неверно по существу;

– об осознании общественной опасности совершаемых лицом действий законодатель упоминает лишь при описании умышленной формы вины, в то время как применительно к неосторожной форме вины умалчивает, что именно должен сознавать преступник; таким образом, нарушается система построения отдельных форм вины.³⁵

В теории уголовного права осознание лицом общественной опасности совершаемых им действий (бездействия), как правило, раскрывается через предвидение лицом возможности причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям.³⁶ Между тем такая позиция фактически стирает различие между сознанием характера совершаемых действий и предвидением лицом их последствий, так как сознание лицом общественной опасности своих действий, по сути, в этом случае либо выступает элементом предвидения вредных последствий деяния, либо полностью с ним отождествляется.

В юридической литературе также нередко отмечается, что противоправность есть юридическое выражение общественной опасности.³⁷ Отсюда следует, что осознание лицом общественной опасности своих действий фактически предполагает сознание их противоправности. Однако в реальности, как совершенно справедливо отмечает В. В. Лунеев, четкий и понятный термин «противоправность» подменяется неопределенным и ситуационно оценочным – «общественная опасность».³⁸ Замена признака сознания общественной опасности на сознание противоправности – это, по мнению В. В. Лунеева, реальный путь к преодолению имеющихся элементов объективного вменения.³⁹

Ярким примером использования признака противоправности для характеристики осознания лицом характера совершаемого им деяния является Кодекс РФ об административных правонарушениях⁴⁰, в ст. 2.2 которого прямо говорится о сознании лицом противоправности своего действия (бездействия). Такое положение существовало и в прежнем КоАП РСФСР, что не мешало правоприменителю применять на практике его нормы, несмотря на опасения, что правонарушители, ссылаясь на незнание закона, будут избегать ответственности. Однако если попытаться увидеть систему построения вины в административном законодательстве с четким присутствием всех ее элементов при умысле и неосторожности, можно также убедиться в ее

³⁵ См. Приложение 1 к настоящей работе.

³⁶ См., например: *Утевский Б. С.* Указ. соч. С. 190–195; *Дазель П. С., Котов Д. П.* Указ. соч. С. 85; *Нерсисян В. А.* Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002. С. 27–29; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., изм. и доп. / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1997; Уголовное право. Общая часть. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. С. 157–158; *Никифоров Б. С.* Субъективная сторона в «формальных» преступлениях // Сов. гос-во и право. 1971. № 3. С. 118.

³⁷ См., например: Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1968. С. 413–414; *Пионтковский А. А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 350.

³⁸ *Лунеев В. В.* Указ. соч. С. 35.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Далее – КоАП РФ.

отсутствии. По сути, КоАП РФ копирует описание форм вины из УК РФ, заменяя признак «осознание общественной опасности» на признак «сознание противоправности». Это приводит к тому, что такой важный элемент вины, как сознание лицом характера совершаемых им действий, полностью отсутствует при описании признаков неосторожной формы вины.

В то же время, если формула «сознавал противоправность» успешно применяется в административном законодательстве, то использование этого признака в УК РФ вызывает определенные вопросы. Так, замена термина «общественная опасность» термином «противоправность» неизбежно поставит перед правоприменителем вопрос о его содержании. Если противоправность есть юридическое выражение общественной опасности, а признак «общественная опасность» присущ исключительно преступлению, то и речь должна идти об уголовной противоправности. Однако уже упоминалось, что в современном уголовном законодательстве некоторые действия признаются преступлением лишь при наступлении определенных законом последствий. В качестве примера можно привести ст. 264 УК РФ. Какую противоправность (уголовную, административную) своих действий в момент их совершения должен сознавать водитель транспортного средства, превысивший допустимую скорость, что в итоге привело к гибели человека? Поскольку мы говорим о преступлении (общественно опасном деянии) и об уголовно-правовой вине, то и виновный в данной ситуации должен сознавать уголовную противоправность. Но если последствие в виде смерти не наступило, то он, как того требует КоАП РФ, должен сознавать административную противоправность. Конечно, в любом случае виновный сознает, что нарушает правила дорожного движения, а это значит, что, включив сознание противоправности в понятие вины в УК РФ, мы тем самым будем допускать возможность сознания лицом любой противоправности, что опять же влечет за собой неопределенность и расплывчатость понятия уголовно-правовой вины и не соответствует понятию преступления как общественно опасного деяния.

Еще более интересный пример можно привести в связи с внесением Федеральным законом № 133-ФЗ от 31 октября 2002 г. в КоАП РФ изменений, связанных с криминализацией ненасильственных хищений путем уменьшения размера мелкого хищения до одного минимального размера оплаты труда. Допустим, лицо не знало о принятии данного Закона и совершило кражу на сумму, равную четырем минимальным размерам оплаты труда, сознавая при этом, что совершает административное правонарушение. Привлечение его к уголовной ответственности за содеянное потребует значительных усилий по доказыванию, что данное лицо сознавало общественную опасность своих действий либо их уголовную противоправность.

Вместе с тем замена признака «общественная опасность» признаком «противоправность» не решит проблему формирования четкой системы вины в УК РФ, так как сознание противоправности деяния не может выступать элементом неосторожной формы вины в силу невозможности детально регламентировать общественные отношения во всех областях жизни.

Таким образом, включение в умысел признака «осознание общественной опасности» либо «сознание противоправности» не совсем удачно с точки зрения имеющихся и могущих при таком подходе появиться проблем применения уголовного закона, а также с позиции построения единой системы вины в уголовном законодательстве. Неизбежно возникает вопрос: какую терминологию при описании сознания лицом характера совершаемых им действий следует использовать при построении формул уголовно-правовой вины, чтобы данный признак являлся общим как для умышленной, так и для неосторожной формы вины?

Представляется, что указанных проблем можно избежать, применив в формуле вины термин, который бы указывал на то, что лицо сознает факт нарушения им определенных правил поведения. При этом не имеет значения, закреплены ли эти правила законом, либо они присутствуют лишь в нормах морали или обычая.

Каждый совершающий преступление, даже если он не осознает общественной опасности своих действий, не сознает их противоправности, в любом случае понимает, что его действия

негативно оцениваются окружающими, обществом, государством, он сознает, что делает что-то «нехорошее», то, что не принято делать, сознает, что его действия нарушают определенные правила поведения, что большая часть людей не ведет себя подобным образом. Сознание лицом, что его действия (бездействие) нарушают определенные правила поведения, по сути, представляет универсальную формулу вины в части необходимости установления осознания преступником характера совершаемых действий. Осознание лицом нарушения правил поведения может включать в себя:

- осознание общественной опасности совершаемых действий – при совершении преступлений, затрагивающих интересы множества лиц (например, терроризм, диверсия, развязывание агрессивной войны, геноцид и др.);

- осознание уголовной противоправности совершаемых действий – при совершении явных, общеизвестных преступлений (например, убийство, изнасилование, причинение вреда здоровью и др.);

- осознание административной противоправности совершаемых действий – при совершении преступлений, которые состоят из действий, нарушающих административное законодательство, и последствий, при наступлении которых деяние в целом признается преступлением (например, незаконная охота, незаконная порубка деревьев и кустарников, нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и др.);

- осознание лицом, что его действия нарушают нормы трудового законодательства, – при совершении преступлений, которые состоят из действий, нарушающих трудовое законодательство, и последствий, при наступлении которых деяние в целом признается преступлением (например, нарушение правил охраны труда);

- осознание гражданской противоправности совершаемых действий – при совершении преступлений, которые состоят из действий, нарушающих гражданское законодательство, и последствий, при наступлении которых деяние в целом признается преступлением (например, нарушение авторских и смежных прав, нарушение изобретательских и патентных прав, незаконное использование товарного знака и др.);

- осознание конституционной противоправности – при совершении преступлений, нарушающих конституционные права граждан;

- осознание лицом, что его действия нарушают нормы морали – при совершении преступлений, основу которых составляют аморальные действия (например, развратные действия, подмена ребенка, разглашение тайны усыновления и др.);

- осознание лицом, что его действия не одобряются обществом в целом, т. е. нарушают какие-то правила поведения, – в тех случаях, когда виновный не осознает противоправности, общественной опасности, аморальности своих действий, но понимает, что совершает социально не одобряемые действия.

Приведенный перечень содержания осознания лицом характера совершаемых им действий (бездействия), безусловно, является примерным и неполным, так как можно найти и иные составляющие, укладывающиеся в рамки предложенной формулы сознания лицом факта, что его действия нарушают правила поведения, в зависимости от типа совершаемого преступления и уровня развития виновного. Этот факт и свидетельствует об универсальности предложенной формулы сознания.

Лицо, совершающее преступление, должно осознавать, что совершаемые им действия (бездействие) нарушают правила поведения, принятые обществом в целом и отраженные в правовых нормах, нормах морали или обычая, так как любая социальная группа может иметь свои собственные неписанные правила поведения, нормы морали, обычаи. Поведение лица может соответствовать правилам поведения какой-либо социальной группы, но противоречить общепринятым правилам поведения.

К числу общепринятых правил поведения можно отнести и специальные правила, имеющие место в отдельных производственных сферах, поскольку данные правила также одобрены обществом в лице законодательных органов или органов исполнительной власти. При этом, если лицо работает в определенной производственной сфере и сознает, что своими действиями нарушает специальные правила поведения, речь идет об осознании им административной противоправности своих действий или об осознании нарушения им норм по охране труда и техники безопасности. Если же лицо не знакомо со специальными правилами поведения, то при нарушении им этих специальных правил можно говорить об осознании виновным, что он совершает социально не одобряемые действия (нарушает общепринятые правила поведения) либо его действия представляют опасность для окружающих.

В то же время включение в легальное определение форм вины термина «общепринятые правила» нецелесообразно, поскольку всегда можно представить указанное словосочетание в ином контексте, например, утверждая, что сугубо специальные правила поведения не относятся к общепринятым и распространяются лишь на определенную категорию лиц. Отсутствие в законе указания на осознание виновным нарушения им правил поведения, принятых обществом в целом, будет компенсироваться другой составной частью вины – предвидением им вредных последствий своего поведения.

Поэтому формулу умышленной вины в части осознания лицом характера совершаемых им действий (бездействия) можно было изложить следующим образом: преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало, что его действия (бездействие) нарушают правила поведения...

Рассуждая о неприемлемости применения формулы сознания лицом общественной опасности совершаемых им действий (бездействия), необходимо рассмотреть вопрос о возможности использования термина «общественная опасность» для определения характера последствий. Основным разграничением преступления от иных правонарушений является, как было установлено выше, не характер совершаемых виновным действий, а характер последствий, наступивших или могущих наступить в результате действий лица. При этом возможны два варианта описания характера последствий действий лица: первый – формально-определенный, второй – оценочный. Формально-определенный вариант описания последствий при совершении лицом преступления следует из позиции, в соответствии с которой термин «общественная опасность» предлагается заменить термином «противоправность». В этом случае описание характера последствий действий лица при совершении им преступления выглядит как «предвидение причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам». При втором варианте речь идет о предвидении лицом общественно опасных последствий своих действий.

Общественная опасность последствий поведения лица заключается в причинении вреда охраняемым уголовным законом интересам, поэтому при доказывании правоприменителем факта, что лицо предвидело общественно опасный характер своих действий, всегда придется доказывать, что оно предвидело, что его действия причинили или могли причинить вред охраняемым уголовным законом интересам. Таким образом, общественно опасные последствия поведения всегда причиняют вред охраняемым уголовным законом интересам. А всегда ли причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам свидетельствует об общественной опасности последствий действий лица? Представляется, что на данный вопрос следует ответить отрицательно.

Охраняемые уголовным законом интересы представляют собой не что иное, как различные виды объекта преступления, т. е. определенные общественные отношения, охраняемые уголовным законом, общий перечень которых изложен в ст. 2 УК РФ. По признаку видового (группового) объекта построены главы Особенной части УК РФ. Нередко в УК РФ можно встретить преступления, имеющие сугубо «личный» характер, когда говорится об общественно опасных последствиях, т. е. о нарушении общественных интересов говорить

можно с большой натяжкой. Не случайно уголовное дело по факту совершения некоторых преступлений против личности может быть возбуждено исключительно по заявлению потерпевшего и по его же заявлению может быть прекращено (побои, оскорбление). Поэтому подобные преступления не влекут за собой общественно опасных последствий, но в то же время нарушают интересы, охраняемые уголовным законом.

Рассуждая о предвидении лицом, что его действия причиняют или могут причинить вред охраняемым уголовным законом интересам, следует остановиться на вопросе о характере такого вреда. Вред, наступивший в результате совершения лицом преступления, делится на два вида. Первый – материальный вред, когда действия преступника влекут за собой «видимые» изменения в объективной действительности (смерть, причинение вреда здоровью, материальный ущерб и т. п.). Такая разновидность вреда является неотъемлемым признаком преступлений с материальными составами. Второй вид вреда, причиняемый преступником, касается нарушения им общественных отношений – некоей взаимосвязи между людьми, урегулированной нормами права, в нашем случае – уголовного. Следует отметить, что при совершении любого преступления (с формальным либо материальным составом) всегда причиняется вред объекту преступления – общественным отношениям в определенной сфере, иначе говоря, охраняемым уголовным законом интересам. Материального же (видимого) вреда может и не быть. Это обстоятельство и обуславливает существование в уголовном праве преступлений с материальными и формальными составами. Для того чтобы найти универсальную, т. е. подходящую к преступлениям как с материальными, так и с формальными составами, формулу вины, необходимо принять во внимание второй вид вреда, который имеет место при совершении любого преступления. Такой подход позволит признать, что преступления с формальными составами могут совершаться как с прямым, так и с косвенным умыслом. Это позволит избежать многочисленных дискуссий о субъективной стороне преступлений с формальными составами.⁴¹

Осознание лицом факта, что его действия нарушают определенные правила поведения, является одним из обязательных элементов умышленной формы вины. Поскольку в настоящем исследовании предлагается отказаться от формулирования волевого момента вины, деление умысла на прямой и косвенный следует производить по второму обязательному элементу умышленной формы вины – по степени предвидения лицом последствий своих действий.

Прежде всего необходимо отметить, что в действующем УК РФ законодатель предпринял попытку раскрыть степень предвидения лицом последствий своих действий (бездействия), включив в понятие умышленной формы вины предвидение лицом неизбежности или возможности наступления данных последствий. Однако сочетание новых критериев определения степени предвидения лицом последствий своих действий и традиционных, составляющих волевой момент вины, критериев нельзя признать удачным.

Исходя из содержания ст. 25 УК РФ, можно сделать вывод, что при прямом умысле лицо при желании наступления определенных последствий может предвидеть как неизбежность, так и возможность их наступления. Таким образом, возможны две формулы прямого умысла:

- 1) лицо предвидит неизбежность наступления последствий своих действий и желает их наступления;
- 2) лицо предвидит возможность наступления последствий своих действий и желает их наступления.

Следует отметить, что в теории уголовного права нет единства мнений по вопросу о том, существует ли при прямом умысле только лишь неизбежность предвидения лицом последствий

⁴¹ См. § 1 главы I настоящей работы.

своих действий, либо наряду с неизбежностью может иметь место и возможность такого предвидения.⁴²

Для определения указанных разновидностей прямого умысла прежде всего необходимо уяснить сущность терминов «неизбежность» и «возможность», раскрыть, что означает желание наступления последствий.

С точки зрения этимологии, неизбежность – это то, чего невозможно избежать, что нельзя предотвратить.⁴³ Возможность – это то, что может произойти; то, что допускается; средство, условие, обстоятельство, необходимое для осуществления чего-нибудь.⁴⁴ Желание в психологии означает отражающее потребность переживание, перешедшее в действенную мысль о возможности чем-либо обладать или что-либо осуществить. Желание обостряет осознание цели будущего действия и построения его плана. Желание характеризуется достаточно отчетливой осознанностью потребности.⁴⁵

Следовательно, желание лица наступления конкретных последствий своих действий означает, прежде всего, осознание им конкретной цели поведения. В теории же уголовного права и практике его применения под желанием лица наступления определенных последствий фактически понимается предвидение им неизбежности их наступления в силу того, что виновный совершает все, по его мнению, необходимые действия для наступления конкретных желаемых им последствий. Не случайно, например, при разграничении убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, а также разграничении покушения на убийство и причинения вреда здоровью Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагает учитывать, в частности, способ и орудие преступления, количество, характер и локализацию телесных повреждений.⁴⁶ Учет указанных обстоятельств позволяет установить отнюдь не осознание преступником определенной потребности, лежащей в основе его действий, а сознание им того, что совершаемые действия должны повлечь за собой смерть потерпевшего, т. е. сознание достаточности совершаемых действий для наступления конкретного последствия, что означает предвидение лицом неизбежности его наступления.

Таким образом, с точки зрения действующей уголовно-правовой теории желание наступления определенных последствий идентично предвидению неизбежности наступления данных последствий. Поэтому если убрать из формулы вины волевою составляющую прямого умысла, то ничего не изменится, а институт вины станет более понятным, так как будет иметь четкую систему построения.

Аргумент, согласно которому преступник всегда может сослаться на то, что результат его действий не представлялся ему неизбежным, а только вероятным, можно отбросить, так как речь в данном случае идет не об объективной оценке обстоятельств совершенного преступления, а о мотивировке, т. е. попытке лица объяснить свои действия, выставив себя в более выгодном свете, и тем самым избежать заслуженной ответственности. Кроме того, не следует отбрасывать и здравый смысл в оценке общеизвестных вещей. Если лицо, столкнувшееся с потерпевшим с 20-го этажа, утверждает, что не предвидело неизбежности его смерти, то либо оно лукавит, либо страдает расстройством психики, что не позволяет ему адекватно оценивать свои действия.

⁴² См., например: *Дазель П. С., Котов Д. П.* Указ. соч. С. 95–108; *Кузнецова Н. Ф.* Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 137; *Демидов Ю. А.* Умысел и его виды по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1964; *Макашвили В. Г.* Волевой и интеллектуальный элементы умысла // Сов. гос-во и право. 1966. № 7. С. 107; *Утевский Б. С.* Указ. соч. С. 202–203; Курс советского уголовного права. (Часть Общая). Т. 1. Л., 1968. С. 419–420.

⁴³ ³ См.: *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Указ. соч. С. 406.

⁴⁴ Там же. С. 92.

⁴⁵ Психология: Словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 115.

⁴⁶ О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) см.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

Неизбежность наступления последствий означает, что в результате совершения определенных действий при обычных условиях наступает конкретное последствие (либо несколько последствий в альтернативе), являющееся закономерным итогом этих действий. В то же время имеют место ситуации, когда, например, большая доза яда в силу особенностей организма потерпевшего не оказывает ожидаемого преступником действия, а это свидетельствует лишь о совершенном покушении на убийство, но не о том, что в данной ситуации лицо предвидит лишь возможность наступления смерти, иначе его действия следовало бы квалифицировать по фактически наступившим последствиям как причинение вреда здоровью.

Интересный пример приводит в своем исследовании А. Н. Трайнин, когда с целью убийства одного из рабочих, ремонтирующих здание на уровне девятого этажа, преступник подрезает канат кабины, в которой помимо него находится еще один рабочий. В результате наступает гибель обоих.⁴⁷ Совершенно верно в данном случае утверждение, что преступник действовал с прямым умыслом на убийство двух лиц, так как предвидел неизбежность наступления их смерти. Хотя виновный утверждает, что желал убить одного рабочего, а смерть второго лишь допускал, формально это свидетельствует, что указанное преступление в отношении одного рабочего совершалось с прямым умыслом, а в отношении другого – с косвенным. Однако такой подход к оценке действий преступника представляется неверным, поскольку, если бы рабочим в результате подрезания каната по счастливой случайности был причинен вред здоровью, то действия виновного мы должны были квалифицировать как покушение на убийство и как причинение вреда здоровью по фактически наступившим последствиям, что не отражало бы опасности совершенного преступления.

Подводя итог, можно утверждать, что включение законодателем в формулу прямого умысла предвидения лицом возможности наступления последствий своих действий противоречит существу его волевого момента – желания наступления последствий, так как возможность – это то, что допускается, но не желается.

Предвидение возможности наступления последствий своих действий при косвенном умысле, как следует из диспозиции ч. 3 ст. 25 УК РФ, соотносится законодателем с сознательным допущением лицом этих последствий либо с безразличным к ним отношением. Как уже указывалось, возможность – это то, что допускается. Таким образом, если лицо предвидит возможность наступления вредных последствий своих действий, то оно тем самым допускает эти последствия. В отличие от предвидения неизбежности наступления последствий, когда лицо сознает достаточность совершаемых действий для наступления конкретного последствия, при предвидении возможности наступления последствий лицо предвидит лишь абстрактную возможность наступления какого-либо последствия в альтернативе с другими могущими наступить последствиями. В цель поведения лица в этом случае не включено конкретное последствие (ряд конкретных последствий в альтернативе) его действий. Цель поведения носит абстрактный характер. По существу, при предвидении лицом возможности наступления последствий своих действий невозможно назвать его умысел как определенный, при котором виновный предвидит конкретное последствие. Косвенный умысел всегда характеризуется либо альтернативностью возможных последствий, либо их неопределенностью.

Безразличное отношение лица к последствиям своих действий, включенное законодателем в формулу косвенного умысла, носит иной оттенок характеристики субъективных процессов, протекающих в его сознании. Так, этимологическое значение слова «безразличный» определяется как равнодушный, безучастный либо не имеющий существенного значения, не представляющий существенного интереса.⁴⁸ Отсюда характеристика отношения лица к послед-

⁴⁷ Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 201.

⁴⁸ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 42.

ствиям своих действий как безразличного скорее отражает эмоциональное состояние психики субъекта, но не его волю.

Безразличное, равнодушное отношение к последствиям своих действий может быть как при желании лицом их наступления (особенно явно это проявляется при альтернативном умысле, когда для виновного не представляет существенного интереса, какое именно из желаемых последствий наступит), так и при допущении лицом возможности наступления последствий. Фактически безразличное отношение лица к последствиям своих действий характеризует в какой-то мере степень желания или допущения этих последствий. Следовательно, как при прямом, так и при косвенном умысле возможно усмотреть безразличное отношение лица к последствиям своего поведения, а значит, безразличное отношение к последствиям не может служить единственным критерием для разграничения прямого и косвенного умысла.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- включение в формулу умысла сознания лицом общественной опасности своих действий неудачно с точки зрения системности построения института вины, более целесообразно говорить о сознании лицом, что его действия (бездействие) нарушают определенные правила поведения;

- формулу «предвидело наступление общественно опасных последствий» целесообразно заменить на «предвидело причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам», что позволит унифицировать подходы к определению субъективной стороны в преступлениях с материальными и формальными составами;

- с одной стороны, предвидение возможности наступления последствий при прямом умысле не совпадает по содержанию с желанием их наступления; с другой – желание наступления последствий идентично по своему содержанию предвидению неизбежности их наступления;

- допущение последствий при косвенном умысле полностью совпадает по содержанию с предвидением возможности их наступления; в то же время безразличное отношение к последствиям может иметь место как при предвидении неизбежности их наступления, так и при предвидении лицом такой возможности.

Учитывая сделанные выводы, предлагается ст. 25 УК РФ изложить в следующей редакции:

Статья 25. Преступление, совершенное умышленно

1. Преступлением, совершенным умышленно, признается деяние, совершенное с прямым или косвенным умыслом.

2. Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало, что его действия (бездействие) нарушают правила поведения, и предвидело неизбежность причинения вреда охраняемым настоящим Кодексом правам и интересам.

3. Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало, что его действия (бездействие) нарушают правила поведения, и предвидело возможность причинения вреда охраняемым настоящим Кодексом правам и интересам.

§ 3. Проблемы законодательной регламентации неосторожной формы вины

Основные различия неосторожной и умышленной форм вины, исходя из их законодательного описания (ст. 25, 26 УК РФ), сводятся к следующему:

- 1) при неосторожной форме вины в виде легкомыслия лицо:
 - не осознает характера своих действий (бездействия);
 - не желает, не допускает наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но, предвидя возможность их наступления, самонадеянно без достаточных к тому оснований рассчитывает на предотвращение этих последствий;
- 2) при неосторожной форме вины в виде небрежности лицо:
 - не осознает характера своих действий (бездействия) и не предвидит возможности их наступления, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия;
 - какое-либо отношение лица к характеру своих действий (бездействия) и к возможным последствиям полностью отсутствует.⁴⁹

Прежде всего обращают на себя внимание некоторые небесспорные моменты в законодательном определении неосторожной формы вины. Так, при легкомыслии лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но при этом не сознает характера своих действий (бездействия). Между тем, как уже отмечалось, осознание лицом общественной опасности совершаемых им действий (бездействия) при умысле в теории уголовного права, как правило, раскрывается через предвидение лицом возможности причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям⁵⁰ и либо выступает элементом предвидения вредных последствий деяния, либо полностью с ним отождествляется. Такая позиция представляется абсолютно обоснованной с позиции психологии поведения: если лицо, совершая какие-либо действия, предвидит их вредные последствия, значит, оно сознает вредность совершаемых им действий. Другими словами, если лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), то оно, безусловно, сознает их общественно опасный характер. Данный вывод можно полностью отнести и к легкомыслию. Поэтому, несмотря на четко определенную законом формулу легкомыслия, вопрос о содержании неосторожной формы вины не лишен дискуссионности и по-разному трактуется в теории уголовного права: одни криминалисты считают, что при легкомыслии лицо не может осознавать общественно опасный характер своих действий (бездействия)⁵¹

⁴⁹ См. Приложение 1 к настоящей работе.

⁵⁰ См., например: Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 190–195; Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 85; Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. СПб., 2002. С. 27–29; Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. С. 79–80; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 2-е изд., изм. и доп. / Под ред. Ю. И. Скуратова, В. М. Лебедева. М., 1997.

⁵¹ См., например: Угрехелидзе М. Г. Проблема неосторожной вины в уголовном праве. Тбилиси, 1976. С. 65; Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 10; Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 129–130; Трухин А. М. Неосторожность как форма вины: Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 13; Чуцаев А. И. Безопасность железнодорожного, водного и воздушного транспорта. Саратов, 1988. С. 77–78; Дьери К. Учение о вине в социалистическом уголовном праве // Современные тенденции развития социалистического уголовного права. М., 1983.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.